

Когда страда закончилась, Сяо Чжи снова отправился на занятия в частную школу. Не прошло и половины дня с его ухода, как в дом пожаловали гости.

В это время Е Цзюньшу медленно прогуливался по галерее, а за ним хвостиком следовала целая вереница «маленьких редисок».

Увидев внезапно появившегося Цинь Яоляна, Е Цзюньшу удивился:

— Шицюн? Как ты здесь оказался?

— Я от Сяо Чжи узнал... — Цинь Яолян во все глаза уставился на Е Цзюньшу, оглядывая его со всех сторон. — Цзычжоу, как твои раны? Насколько всё серьезно?

Цзычжоу улыбнулся: — Ничего страшного, я в порядке.

На лице Цинь Яоляна отразилось глубокое сострадание. Хотя он не видел самих ран, описания Сяо Чжи хватило, чтобы он пришел в ужас: он и представить не мог, что Цзычжоу буквально побывал на пороге смерти. Все эти дни он был занят — вместе с аму ухаживал за приболевшим отцом. Когда отцу стало лучше, как раз началась жатва, поэтому он не придавал значения долгому отсутствию Цзычжоу в городе, думая, что тот просто занят в поле. Кто же знал, что, когда Сяо Чжи вернется к учебе, он расскажет о таких страшных событиях!

Цинь Яолян никогда не видел Е Цзюньшу таким слабым. Он едва не расплакался от досады, шмыгнув носом и с укоризной в голосе произнес:

— Случилась такая беда, почему ты никого не послал за мной? Мы бы хоть вместе что-нибудь придумали!

— Ты что, за чужого меня держишь? А если бы с тобой что случилось? Мы бы с отцом до конца жизни себя винули! — Родители Яоляна уже давно относились к Цзычжоу как к названому сыну.

Цинь Яолян даже не посмел рассказать им о случившемся, а сам тайком прибежал сюда.

Е Цзюньшу покачал головой и объяснил:

— Всё произошло слишком внезапно, я сам до сих пор до конца не пришел в себя. К тому же, ваш приезд ничего бы не изменил. Учитель и так слег от гнева из-за выходов семьи Мин. Если бы он узнал еще и об этом, ему стало бы только хуже. Да и помочь они бы не смогли — будь у учителя связи или влияние, он бы не заболел от бессилия.

Цинь Яолян замолчал. И правда — если бы они и узнали тогда, то разве что получили бы тумачков за компанию. От этой мысли он совсем поник.

Е Цзюньшу подбодрил его:

— Шицюн, не стоит так расстраиваться. Главное, что всё благополучно разрешилось. Пусть прошлое остается в прошлом.

Цинь Яоляну оставалось только твердо заявить:

— Если ты всё еще считаешь меня братом, впредь обязательно сообщай мне о подобных делах!

— Обязательно, — кивнул Цзычжоу.

Цинь Яолян оглядел детей. За то короткое время, что они не виделись, малыши сильно изменились. Близнецы и Цинь-гэр загорели дочерна на солнце, и загар еще не сошел. Лицо Сяо Шаня вроде не изменилось, но взгляд стал гораздо взрослее и серьезнее. Но больше всех изменился Лу-гэр. Его точеное, изысканное личико теперь было усыпано крупными и мелкими красными пятнами. Из очаровательного ребенка, на которого заглядывались все вокруг, он превратился в «рябого» мальчишку. Цинь Яоляну было искренне жаль его, но...

— Хоть говорить так и нехорошо, но, к счастью, эта болезнь у Лу-гэра случилась вовремя. Пусть даже лицо останется рябым, зато грязные помыслы того Мина Второго не сбылись.

Цинь Яолян облегченно выдохнул и принялся утешать Лу-гэра:

— Не переживай, даже если лицо останется в пятнах — это не беда. Мы с твоим старшим братом вместе заработаем тебе на богатое приданое. Вот увидишь, ты обязательно встретишь достойного человека и заключишь честный союз.

Е Цзюньшу: — ...

Лу-гэр: — ...

Хотя шицун и желал ему добра, но от его слов у Е Цзюньшу так и зачесались кулаки.

Цзычжоу велел Сяо Шаню увести младших играть во двор, а сам проводил Цинь Яоляна в кабинет.

— Шицун, как продвигаются продажи твоей книги?

С момента завершения рукописи прошло уже порядочно времени, и Е Цзюньшу искренне беспокоился о результате.

Стоило упомянуть об этом, как Цинь Яолян просиял, но тут же поправил:

— Нашей книги! Цзычжоу, ты представить себе не можешь, как хорошо она расходится. Хотя я сам не видел ажиотажа в лавке, хозяин книжного уже прислал восточку: требует допечатать еще триста экземпляров! Триста, понимаешь?! Цзычжоу, мы прославились! Мы разбогатели!

От избытка чувств Яолян порывался было заключить друга в «братские объятия», но вовремя вспомнил про его раны и замер на полпути.

Е Цзюньшу не удержался от смеха, искренне радуясь за товарища.

— Вторая книга почти готова. Как закончу — принесу тебе на правку. Цзычжоу, и как только в твоей голове рождаются такие сюжеты? Эх, впрочем, и моя заслуга велика! Сам себе поражаюсь, ну откуда во мне столько таланта?

Е Цзюньшу потер щеку, с улыбкой слушая, как шицун нахваливает сам себя. Когда тот наконец взял паузу, Цзычжоу мягко прервал его:

— Шицун, не мог бы ты мне кое в чем помочь?

— Говори! Хоть в огонь, хоть в воду! — тут же воскликнул Цинь Яолян, ударив себя в грудь.

Е Цзюньшу негромко произнес:

— Не мог бы ты достать для меня учебники и материалы, необходимые для сдачи экзамена на звание сюэца?

— Без проблем! — выпалил Яолян, но тут до него дошел смысл сказанного, и глаза его вспыхнули. — Цзычжоу, ты наконец надумал?!

Е Цзюньшу лишь загадочно улыбнулся.

— Государственные экзамены — это правильно! Ты такой умный, ты обязательно всё сдашь! — Яолян разволновался не на шутку, он принялся мерить комнату шагами, возбужденно размахивая кулаками. Сейчас он радовался даже больше, чем успеху своей книги. — Будь спокоен, я принесу тебе все нужные книги!

— Тогда доставляю тебе хлопоты, шицюн.

— Какие хлопоты, пустяки! — Цинь Яолян так и сиял. — Отец будет просто счастлив, когда узнает!

Но вслед за радостью пришло недоумение:

— Ты ведь говорил, что не хочешь идти в чиновники. Почему вдруг передумал?

Цзычжоу усмехнулся и небрежно ответил:

— Просто я вдруг осознал: чем быть обычным крестьянином и проводить жизнь в неизвестности, лучше заняться чем-то стоящим. Например, постараться на экзаменах, возвысить наш род, прославить предков... и, возможно, внести свою скромную лепту в помощь простому люду.

— Вот это слова мужа! Настоящий мужчина должен стоять между небом и землей, опираясь на собственные силы! Отец не раз говорил, что ты наделен редким даром и талантом, и было бы преступлением зарывать их в землю. Цзычжоу, я верю в тебя! Ты проложишь себе путь к вершинам, а в будущем, кто знает, может, станешь важным сановником или даже князем! Ха-ха!

Цинь Яолян уже вовсю грезил о будущем: когда его названный брат станет могущественным вельможей, он сам сможет ходить по этой земле, не боясь никого...

— О чинах князя или министра я не мечтаю. Мне лишь нужно иметь достаточно сил, чтобы защитить себя и свою семью, — серьезно ответил Е Цзюньшу.

Он никогда не смотрел на людей свысока. В любые времена, чем выше ты поднимаешься, тем опаснее становится игра. Ему нужно было использовать свои преимущества, чтобы выбиться в люди, а что будет дальше — загадывать рано. Но он приложит все усилия.

События последних дней заставили его всё тщательно обдумать. Сейчас он слишком слаб. Находясь на самом дне социальной лестницы, он оказывается беззащитным перед любым сильным или богатым человеком.

Единственный способ изменить положение — сдать экзамены. Каким бы ни было будущее, на данном этапе ему нужна ученая степень. Сюэцай, затем цзюйжэнь... Степень дает статус. А когда придет время, можно будет двигаться дальше.

Одного раза, когда он оказался столь беспомощным, было более чем достаточно. Чтобы

защитить братьев, нужны реальные возможности. Лишь изменив свой статус, он перестанет быть куском мяса на разделочной доске, с которым каждый волен делать что захочет.

Лу-гэр не может всю жизнь прятаться за «рябым лицом». Даже если в этот раз им повезло, что будет, если завтра явится какой-нибудь другой господин и захочет силой забрать его? Как Е Цзюньшу его защитит?

Он всей душой возненавидел это чувство бессилия. Жажда власти и положения в нем вспыхнула ярче, чем когда-либо.

Цинь Яолян, чувствуя, что на него возложена великая миссия, не стал задерживаться. Он поспешил откланяться, пообещав как можно скорее собрать и привезти все полезные книги. Е Цзюньшу не удалось его удержать — Яолян умчался, едва успев согреть стул.

Поняв, что провел на ногах слишком много времени, Цзычжоу прихватил книгу и вернулся в комнату, чтобы прилечь.

Пока он восстанавливался, дети не давали ему и пальцем пошевелить: уборка, стирка, готовка, уход за скотиной — всё взяли на себя младшие. Если бы Цзычжоу не упирался, они бы его и с ложечки кормили. С ним носились как с самым маленьким ребенком в семье. Е Цзюньшу это и смешило, и грело душу, так что ему оставалось лишь принимать их заботу.

Благодаря отдыху, коротким прогулкам, лечебным отварам и припаркам, он восстановился уже на шестьдесят-семьдесят процентов.

Днем зашел лекарь Сун. Новых лекарств выписывать не стал, велел лишь допить старые. В конце концов, любое лекарство — это в какой-то мере яд, а дальше организм должен справляться сам.

Лекарь, правда, немного недоумевал про себя: те люди ведь не жалели сил, избивая Цзычжоу, а тот отделался лишь несколькими трещинами в костях и через несколько дней уже шел на поправку. На редкость крепкое здоровье...

Впрочем, Сун догадывался, что черные пилюли сыграли свою роль. Он не стал допытываться — сам он потратил одну такую на изучение и за столько времени так ничего и не понял.

Но сейчас его интересовало другое.

Лекарь Сун откашлялся и тихо спросил:

— Послушай, Цзычжоу... Чем это ты вызвал у Лу-гэра такую сыпь? Покажешь старику?

Хоть Сун и был средним врачом, он был одержим исследованиями. И пусть за десятилетия он не совершил великих открытий, страсть к науке в нем не угасала. Видя, что парень снова раздобыл некую диковинку, старик мучился от любопытства, словно кошки на душе скребли.

Е Цзюньшу и бровью не повел, изобразив на лице полное недоумение:

— Но ведь у моего Лу-гэра острая крапивница... Не совсем понимаю, о чем вы, лекарь Сун.

— Да ладно тебе! — недовольно буркнул старик. — Ты у меня на глазах вырос, неужто я тебя не знаю? Не может же Лу-гэр вечно в таком виде ходить. Если сыпь будет постоянно оставаться в

одной и той же поре, как в первый день болезни, даже дурак заподозрит неладное. Дай взгляну, может, помогу чем.

Услышав это, Е Цзюньшу осознал, какую брешь оставил в своем плане. «Сыпница» вызывала симптомы крапивницы, которые сами проходили через две недели. Лу-гэру пришлось бы мазаться ею снова и снова, но сыпь всегда выглядела бы свежей — никаких корочек, никакого заживления...

Глядя на спокойное лицо лекаря, Цзычжоу понял: в деревне всё на виду. Люди знают характеры друг друга вдоль и поперек. И даже если они не сразу сообразили, в чем дело, со временем странности в поведении Е Цзюньшу навели бы их на мысли. Умные люди наверняка уже начали о чем-то догадываться, просто держали свои соображения при себе.

Скрыть правду от лекаря было уже невозможно, и теперь только Сун мог помочь ему довести дело до конца.

Е Цзюньшу пришлось достать припрятанную «сыпницу» и отдать часть лекарю.

— Это растение называют «сыпницей». При контакте с кожей оно вызывает симптомы, точь-в-точь похожие на крапивницу. Через полмесяца всё проходит само собой. Побочных эффектов я пока не заметил.

Глаза лекаря Суна азартно блеснули, он бережно завернул сверток с травой и спрятал его за пазуху, словно бесценное сокровище.

— Будь спокоен, я изучу это самым тщательным образом! — Кхм, у меня еще дела, так что я пойду!

Не дожидаясь ответа Е Цзюньшу, он проворно, почти бегом, покинул комнату. Цзычжоу лишь надеялся, что на этот раз лекарь действительно что-нибудь придумает. Иначе не придется ли Лу-гэру годами прятаться в доме, не показываясь людям на глаза?

<http://bllate.org/book/15226/1356165>